

Рустем и Зораб: Рустем и Зораб. Третий бой

Category: Kitarsy, Poemalar

написано kitarsy | 25 января, 2025

Рустем и Зораб: Рустем и Зораб. Третий бой Книга девятая.

Рустем и Зораб. Третий бой

I.

Рустем, избавясь от беды,
Один остался; несколько мгновений
Он был объят глубокой думой; вдруг —
Как будто что напомнилось ему —
Пошел поспешным шагом
К потоку, где его могучий Гром
Под деревом привязанный стоял.
Была недалеко оттуда
Утесистая дебрь. И много лет
Прошло с тех пор, как в этой дебри
Имел Рустем свиданье с горным духом.
В то время был он одарен
Такою непомерной силой,
Что не врагам одним, и самому
Ему она была во вред:
Его земля не выносила;
Когда он шел по каменному кряжу,
Как на песке, глубокие следы
От ног его на камнях оставались.
Так некогда с тяжелою добычей,
Отнятою у турков, он
Во мраке ночи пробирался
С трудом великим тою дебрюю;
При каждом шаге увязали
Его по щиколотку ноги в землю;
Они ее, как плуг железный, рыли.

Вдруг близ него во тьме раздался
Осиплый хохот. «Кто хохочет?» – гневно
Спросил Рустем. Глухой ответ был: «Я!»
«А ты кто?» – «Горный дух». – «Чему смеешься?»
«Смеюсь тому, что ты, силач,
С своей не можешь сладить силой;
Она чрезмерна для тебя.
Отдай на сохраненье мне
Ее излишек; если –
Когда от лет твои расслабнут члены –
Она тебе понадобится снова,
Приди сюда и кликни – я откликнусь,
И от меня ее сполна опять
Получишь ты беспрекословно».
И духу горному Рустем
На сбереженье отдал
Излишек силы. И теперь,
Когда от лет его расслабили члены,
Пришел он в дебрь, у духа взять
Обратно вверенный залог;
Он чувствовал, что силой половинной
Ему не одолеть Зораба.
И в ярости с собой он говорил:
«Он жить не должен; им в виду
Ирана был я опозорен;
Он смел коленом стать на грудь
Упавшего к ногам его Рустема;
И им к постыдному обману
Рустем, дотоле беспорочный,
Был приневолен, чтоб спасти
Свою обруганную жизнь.
Не потерплю, не потерплю,
Чтоб на одной земле со мною
Хоть миг один мог продышать
Создатель моего позора».

II.

Так думал он, вступая в глубину
Утесистой, пустынной дебри.
Там на престоле скал мохнатых
Сидел могучий дух. И он увидел,
Что кто-то мрачный, озираясь
По сторонам, ущельем шел;
И понял дух, что путник
Искал свиданья с ним; густою мглой
Была его покрыта голова,
Как шлемом; ондохнул, и мгла
Слетела с головы; и дух
Стал видим, хмурый и туманный;
И он спросил: «К кому пришел ты?» –
«К тебе, – отвечивал Рустем. –
Я узнаю тебя; ты все таков же,
Каким давно на этом месте
Со мною встретился впервые;
Не устарел, не поседел; а ты
Меня узнал ли?» Темный дух
Отговивал: «С трудом; ты стал
И стар и сед. Скажи ж, зачем тебя
Твои хилеющие ноги
В мою пустыню принесли?»
Рустем сказал: «Отдай обратно
Мною мне силу. Я доныне
Доволен был одним ее участком;
Теперь она нужна мне вся.
Отдай мне, дух, ее излишек,
Оставленный тебе на сохраненье».
Дух отвечал: «Рустем, навеки
Теряет силу человек,
Когда она его сама с годами
Медлительно, неудержимо
И невозвратно покидает;
Но ты свою мне силу
Во цвете лет по доброй воле
На сбереженье отдал сам –

И мной тебе она сбережена;
В груди гранита моего
Целее, чем в твоей груди,
Неизменная, она
Лежит. Но для чего, Рустем,
На плечи дряхлые свои
Такой великий груз ты хочешь
Так поздно возложить? Остерегись,
Седой боец; ты на себя
Кладешь беду. Твое желанье
Исполнить я не отрекуся,
И если ты решился твердо
Взять от меня залог свой роковой,
Возьми, но знай: возьмешь не на благое,
А на губительное дело.
Еще не поздно; мой совет
Спасителен; прими его, Рустем:
Оставь свою в покое силу;
Ты славных дел немало совершил –
Доволен будь; страшуся я,
Что на себя своим последним делом
Ты бедствие великое накличешь
И сам своею силой
Свою погубишь силу».

III.

Тем временем Зораб, с охоты
На место боя возвратясь,
В недоумении стоял и озирался –
Рустема не было. И он не знал,
Дождаться ли его иль удалиться.
А с неба день уж начинал
Сходить, и тени становились
Длиннее. Но... Зорабов час ударил:
Зораб остался; он подумал:
«Соперник мой меня

Здесь долго утром ждал –
Я вечером его дожждаться должен.
А вечер вышел не таков,
Каким его нам утро обещало,
И солнце село, в небесах
Зарю кровавую оставя.
Но где же он?..» И в этот миг
На зареве заката отразился,
Как темный метеор, огромный стан Рустема;
Зораб невольно содрогнулся.
Как будто чародейной силой
Преображенный, чудно
Блистающий, помолоделый,
Представился очам его Рустем.
Он на него глядел в недоуменье
И, не посмея спросить, где он так долго
Промедлил, шепотом сказал: «Должны ли
Мы продолжать? До наступленья ночи
Успеем ли?..» – «Успеем», – перебил
Его слова Рустем сурово.
И вышли – яростный отец
На сына с силою двойною
И на отца оторопелый сын
С полуразрушенной силой.
Восходит день, когда нисходит ночь,
Восходит ночь, когда нисходит день, –
Так и теперь настал черед Рустему.
Вечерней мглой затянувшись,
День удалившийся простер
Полутуманное мерцанье
Над местом бедствия и крови;
Два воинства стояли там
Безмолвными свидетелями боя.
Но как он был? И что свершилось?
Того ничье не зрело око...
Они сошлись – и вмиг всему конец;
Рустем рванул – Зораб упал к его ногам;

Рустем дакнул – и в грудь Зораба
Глубоко врезался кинжал.

IV.

Зораб, смертельно пораженный,
Сказал: «О ты, неверный оболъститель!
Такая ль от тебя награда
За то, что был ты мною пощажен?
Ты небылицей о Рустеме,
Ты именем Рустема жизнь мою,
Как вор ночной, украл. Но будь
Ты птицей в воздухе иль рыбою в воде,
Не избежишь, хотя и в гробе
Лежать я буду, мщенья от Рустема,
Когда раздастся всюду слух
(А он раздастся скоро),
Что здесь предательски зарезан
Тобою сын Рустема и Темины».
От этих слов затрепетал
Рустем, как будто вдруг ударом грома
Пронзенный, с головы до ног.
«Что говоришь ты, сын беды? –
Воскликнул он. – Скорее отвечай:
Кто твой отец?» – «Я сын Рустема и Темины, –
С блеснувшей гордостью на бледном
Лице сказал Зораб. –
Отец мой страж Ирана многославный;
А мать моя краса и слава Семенгама.
И ею был сюда я послан
Отыскивать отца, столь много лет
С ней разлученного. Чтоб мог
Меня Рустем признать за сына,
Я должен был ему повязку, на прощанье
Им данную Темине, показать;
И чтоб сберечь ее верней,
Не на руке, а на груди

Всегда носил я ту повязку;
Открой мне грудь – увидишь сам».
Так говорил он; от страданья
Душа рвалась из Рустема.
Дрожа как лист, одежду он раскрыл...
И там (увидел он) сидел,
Как жаба черная на белых розах,
В груди кинжал, до рукояти
В нее вонзенный, как в ножны.
Его Рустем из раны вынул;
И быстро побежала с жизнью
Струя горячей крови;
И ярким пурпуром ее
Рустемова повязка облилася.
Он побледнел, ее увидя,
И глухо прошептал,
Как будто задушенный:
«Зораб, ты сын мой... я Рустем!»

V.

И долго, ужасом окамененный,
Смотрел он мутными глазами
На сына. Вдруг он дико застонал...
Так стонет тигр: в кусты залегши,
Яримый жаждой крови, ждет он,
Чтоб мимо бык из стада пробежал.
Его когтям в добычу.
И вдруг его единственный тигренок,
Им в лого брошенный, шумя
В кустах, бежит: и на него,
Слепой от голода, отец в остервененье
Бросается, его когтями
На части рвет и вдруг,
Узнавши, кто так жалко
Трепещется под лапами его,
Пускает стон, какого никогда

Не издавал дотолѣ, стон
Разорваннаго сердцем тигра, –
Таковъ былъ страшный стонъ Рустема;
Такъ застонавъ, со всехъ онъ ногъ,
Какъ будто вдругъ убитый наповалъ,
На сына грянулъся. Всю память потерявъ,
Впервые сердцемъ сокрушенный,
Недвижимымъ, окостенелымъ
Лежалъ онъ мертвецомъ. Его холодной
Рукою стиснутый, смертельно блѣдный,
Смертельно раненный, лежалъ съ нимъ рядомъ сынъ;
Еще его лилася кровь,
Еще приподымало грудь ему
Дыханіе; онъ чувствовалъ, онъ виделъ;
Онъ радовался, умирая,
Что близко былъ отецъ,
Его отецъ, его убійца,
Котораго такъ жадно онъ желалъ,
Такъ силился найти и наконецъ такъ страшно
Нашелъ... И онъ теперь (какъ наканунѣ
Ему привидѣлось во снѣ)
В его объятіяхъ лежалъ съ любовью детской.

VI.

Темъ временемъ, не видя ничего,
Въ вечернемъ мраке оба войска
Стояли молча. Вдругъ отъ мѣста боеваго
Дошелъ до нихъ протяжный стонъ;
И все опять утихло;
И каждый угадалъ,
Что тамъ беда великая свершилась.
Но долго заглянуть туда
Не смелъ никто; когда же наконецъ
Нашлись отважные и подойти
Дерзнули къ мѣсту роковому,
Они сперва тамъ встрѣтили коней,

Под деревом стоявших праздно.
Увидя, что престол Рустемов – Гром
Был пуст, они пришли в великий ужас
И опрометью в стан
Все бросились, крича: «Рустем
Убит! на Громе нет Рустема!»
Тогда нашел на войско трепет;
Как море в бурю, тяжело, глубоко
Оно заволновалось; страшный
Мятеж в нем загремел;
И шумною волною
Оно все хлынуло вперед.
Но прежде чем оно прийти успело к месту,
Достиг туда его далекий шум;
И им Рустем близ сына
От сна смертельного к смертельному страданию
Был пробужден; и тяжело
Он застонал – но тихим словом сын
Его смирил. Последнее дыханье,
Последний свет души своей он собрал,
И на его бледнеющих устах
Чуть слышную музыкой зазвучала
Прискорбно-сладостная речь;
И тихо речь лилась,
Как теплая, слабеющая кровь,
Все медленней бежавшая из груди.

VII.

«Отец, пока еще во мне
Есть жизнь, пока еще оттуда
Никто не подошел – к моим словам
Склони твой слух. О! лучшее из них,
Мое сладчайшее, мной в первый раз
Произносимое на свете слово:
Отец! произношу
В последний жизни час; им горечь смерти

Услаждена; за гордое желанье
По славе подвигов достойным
Рустемовым назваться сыном
И за надежду некогда с ним вместе
Над всею властвовать землею,
Которой сам теперь я стал подвластен,
Недорого я заплатил. О чем же,
Рустем, крушишься? О! не плачь!
Не ты, не ты меня убил;
В утробе матери на то
Я был звездами предназначен;
На то и Синд напрасно ею
Был послан, чтоб отца мне указать;
На то и ты был должен Синда ночью
Убить, чтоб уж никто не мог
Нас вовремя друг с другом познакомить.
Когда молва о гибели моей
До милой матери достигнет,
Заплачет жалобно о сыне
Без жалоб на отца она.
Ты ей пошли мои доспехи
И возврати повязку роковую,
Напрасно данную тобою ей,
А ею мне; позволь, чтоб Баруман
Назад отвел мои дружины с миром,
Они сюда пришли за мною
И без меня в сражение не пойдут;
Не мсти Хеджиру за упорство,
С каким он, вопреки
Моим всем просьбам и угрозам,
Тебя назвать отрекся... Ах! о том
Я умолял напрасно и тебя;
Пускай вполне останутся Гудерсу
Его все восемьдесят сыновей,
Тогда как твой единственный лежать
Здесь будет мертвый; пусть владеет
Хеджир и Белым Замком;

Пускай и дева красоты,
Представшая очам моим как сон,
Гурдаферид себя отдаст Хеджиру,
Но слово данное исполнит:
Оплакать мой безвременный конец.
Мое же тело повели
Отнести в Сабул и положить
Туда, где все положены
Мои прославленные предки;
А здесь пускай раскинут надо мною
Рустемов царственный шатер.
Так навсегда с землею я прощаюсь...
Пришел как молния; ушел как ветер...
А ты, Рустем, в последний раз теперь
На отходящее дитя свое взгляни
И прежде, чем оно утратит силу слышать,
Промолви вслух: Зораб, ты сын Рустема».

VIII.

Так, умирая, говорил
Прекрасный юноша. Рустем молчал;
Напрасно силился уста
Он растворить, они загвождены
Железной судорогой были.
И молча он смотрел, как тихо гасла
Вдруг догоревшая лампада.
Так на последнюю струю
Зари вечерней смотрит путник;
Когда ж и след ее на небесах
Исчезнет, одинок в пустыне темноты
Он остается, и ему
Уж никакое на пути
Не руководствует сиянье –
Так для Рустема жизни свет
С душой Зораба гас навеки.
Тем временем и гром и шум

Дружин бегущих приближался;
Рустем в расстройстве скорби
Неистово от сына поднялся
И к войску выступил навстречу,
Окровавленный, весь в пыли,
С могильной бледностью лица,
Обезображенного горем.
Его никто в Иране столь ужасным
Не видывал... но громозвучным криком
По войску радость пробежала,
Когда пред ним Рустем, живой, явился.
Такой подъемлет крик дружина,
Увидя над собой внезапно
Свою хоругвь, спасенную из рук
Ее схватившего врага:
Она изорвана в лохмотье,
Но спасена. Так все заликовало
Рустема встретившее войско.
И, став пред ним, растерзанный печалью,
Томимый гордостью, волнуемый стыдом,
Рустем сказал: «Сюда, вожди Ирана,
Сюда, вельможи Кейкавуса!
Смотрите все, какую службу
Рустем Ирану отслужил;
Вот он лежит, вам грозный богатырь;
Моей рукой разрушен страх Ирана.
Я много боёв совершил,
Я бился днем, я бился ночью,
Но никогда еще я не принес
Такой, как ныне, жертвы славе:
Смотри, Иран! Рустем своей рукою
Здесь за тебя убил родного сына».
Так говорил Рустем, и голос
Его не трепетал; и были сухи
Его глаза; и был он страшно тих.
Тогда они увидели в крови
Простертого героя молодого;

Еще за час цветущий, как весна,
Прекрасный, как живая роза,
И полный силы, как орел, –
Теперь он перед их очами
Лежал безгласный, недвижимый,
Покрытый бледностию смерти.
Рустем взглянул ему в лицо...
«Еще он жив! – воскликнул он. –
Скорей гонца отправьте к шаху
Молить, чтоб мне прислал немедля
Три капли чудного бальзама,
Все исцеляющего раны,
Который он всегда с собой имеет...
Три капли, чтоб спасти Зораба,
Чтоб милый сын мне жив остался».

IX.

На крыльях к шаху прилетел
Гонец и так сказал: «Рустем
Убил Зораба, но Зораб
Рустемов сын; о нем отец
Рыдает горько, и его печалью
Все пораженные рыдают; ими
К тебе я прислан, шах державный,
Молить, чтоб ты благоволил немедля
Три капли дать бальзама,
Который при себе
Всегда имеешь;
Три капли, чтоб спасти Зораба,
Чтоб жив Рустему сын остался».
Но шах отвечал на это,
Не торопясь: «Благодаренье богу!
Рустем спасен, а враг лежит убитый;
Ему покойно; я тревожить
Его не стану: всем моим бальзамом
Пожертвовать готов я для Рустема;

Но капли дать не соглашусь для турка.
Ирану и одной уж силы
Рустемовой довольно через меру;
Когда же с ним такой могучий
Соединится сын, их обои́х
Не выдержать Ирану.
Но если так Рустем желает,
Чтоб я в беде ему помог,
Пускай свою отложит гордость,
И сам сюда придет,
И просит милости у шаха на коленях».
Гонец, увидя, сколь упорен
Был царь, не стал терять без пользы слов
И поспешил с его ответом
К Рустему. При таком жестоком
Отказе вся пришла в волнение
Душа Рустемова; борьба
Меж скорбию и гордостью в ней
Такая началась, что пар
От головы богатыря поднялся;
Он судорожно трепетал;
Не мог пойти, не мог остаться;
Но наконец перед судьбою
Смирненно голову склонил
И в землю пасть за сына перед шахом
Пошел... но десяти шагов переступить
Он не успел, как уж его
Настигла весть: все кончилось; Зорабу
Теперь ничто не нужно, кроме гроба. Poemalar